

**Русские зарубежные
писатели
начала XXI века.
Автобиографии**

«Литературный европеец» —

«Literarischer Europäer»

Postfach 800 833,
65929 Frankfurt am Main,
Deutschland

© В.Батшев. Составление. 2004
© «Литературный европеец». 2004

Дизайн — Юрия Школьникова

ISBN 3-936996-08-3

Printed in Germany

**Русские зарубежные
писатели начала
XXI века.
Автобиографии**

Составитель *Владимир Батшев*

«Литературный европеец»

Виктор Фет

Я – биолог по профессии. Родился в Кривом Роге (Украина) в 1955 г. В детстве и юности жил в Новосибирске, с 8 лет – в новосибирском Академгородке, где окончил школу в 1971 г., и НГУ в 1976 г. Сразу же после университета уехал из Сибири навсегда – в Среднюю Азию, где работал 11 лет зоологом в заповедниках Туркмении – сначала в Бадхызском заповеднике, а с 1978 по 1987 г. в Сюнг-Хасардагском. В 1984 закончил заочную аспирантуру Зоологического института (что через речку напротив Эрмитажа в Санкт-Петербурге). В 1988 г. эмигрировал с семьей в США. Сейчас (2003 г.) мы живем в предгорьях Аппалачских гор, где я преподаю генетику и эволюцию в Университете Маршалла (Marshall University) в штате Западная Виргиния. Жена Галина – тоже биолог, дети Лиза и Сеня – студенты. Издал три книги по зоологии, большое количество научных работ, в основном по систематике и эволюции скорпионов из различных гор и пустынь мира. Сотрудничаю по этой части с учеными из многих стран, прежде всего европейских. Зоология – одна из моих страстей с детства («прямо как у Набокова»), мирно сосуществующая с литературными занятиями.

Научился читать я в четыре года по «Робинзону Крузо» и пьесам Евгения Шварца (голубая книжка 1958 г.). Перечитал все, что было в семейном книжном шкафу – А.Н.Толстой, Карел Чапек, Шолом-Алейхем, Ильф и Петров. Книг было мало или они были случайные, за ними охотились, занимали у знакомых. Тяга к настоящей европейской культуре еще оставалась. Иностранные авторы (в русских переводах) всегда воспринимались как свои. Среди авторов, в разное время на меня сильно влиявших, могу назвать Чапека, Дюрренматта, Мольера, А. Грина, Сельвинского, Вознесенского, Хлебникова, Гофмана, Гауфа, Баратынского, Киплинга, Уэллса, Гумилева, Булгакова, Заболоцкого, Бродского, В.Ш.Гилberta (оперетта викторианской эпохи), и – несомненно и в первую очередь – Пушкина и Шекспира. Кроме того, всегда оставалась моей страстью фантастика 50–60-х годов – Ефремов, Стругацкие, Лем, Бредбери, Азимов, Кларк, Саймак; уже позже, в Америке, я открыл

Андерсона, Хайнлайна, многие не переведившиеся в СССР вещи Азимова и других.

Писать я стал довольно рано, в средних классах школы, развлекая друзей детективными историями в стиле Шерлока Холмса. Главным героем этих рассказов был английский сыщик Генри Шмот. Более серьезно я подошел к делу в девятом классе, создав законченную повесть «Ничего особенного» (надеюсь, что она не сохранилась) о всемирных капиталистах-гангстерах-браконьерах, истребляющих редкие виды животных. Писал какие-то стихи — под Маяковского, но также и под «Евгения Онегина». В школьное же время начал довольно смело переводить с английского — Киплинга и Лонгфелло. В 17 лет (уже в университете) мне попала в руки антология английской поэзии, и я смело взялся за перевод, пожалуй, самого НЕпереводимого произведения в английской литературе — поэмы Льюиса Кэрролла «Охота на Снарка». Первый вариант был закончен в 1975 г., последующие переработки делались уже в Туркмении до 1982 г. Опубликован же перевод был только в 2001 году.

Кроме книг, кино (в том числе и телевизионное) играло в те годы огромную роль — мы «росли на лучших актерах» конца 60-х годов. Это были всевозможные фильмы — от «17 мгновений весны» до комедий Гайдая, от «Ошибки резидента» с Жженовым до «Старой, старой сказки» по сценарию Галича с молодыми Далем и Нееловой, и, конечно же, фильмы Тарковского и Вайды. А в 1973 г. заехал в Академгородок «живой» польский режиссер Кшиштоф Занусси с фильмом «Структура кристалла». С друзьями в студенческое время мы, конечно, пересмотрели все спектакли новосибирских театров — как более официального «Красного факела», так и особенно ценимого нами Облдрамтеатра (ныне «Старый дом») — там режиссер В. Черняевставил такие вещи, как «Антигону» Ж. Ануя. Много позже я осознал, что в школьном возрасте видел на новосибирской сцене и Анатолия Солоницына — в роли Бориса Годунова в «Красном факеле». Бывали и гастроли, в том числе очень запомнился приезд летом 1973 года московского театра им. Маяковского и их «Человек из Ламчи» с Александром Лазаревым в роли Дон-Кихота. В 1975 г. приезжал Малый театр, где я еще застал Игоря Ильинского в роли Аркашки Счастливцева. Иногда, очень редко, транслировали театральные спектакли — огромное впечатление произвел тогда же

спектакль театра Ленсовета «Укрощение строптивой» с Алисой Фрейндлих. Несомненно, высокий театр был со мной с детства — от пьес Шварца и Чапека до И. Смоктуновского и Ю. Ярвета на экране в козинцевских «Гамлете» и «Лире».

В университетские годы (1971-1976) мне довелось писать много малосерьезных вещей — пародий, капустников, скетчей для театральных миниатюр, сценариев ритуальных «посвящений в студенты», студенческих песен. Возникшая в это время страсть к театру выражалась в различных поступках, в частности — в организации собственного студенческого театра. Театр стал новой страстью в это время, мы ставили «Обыкновенное чудо», «Турандот», думали о том, чтобы поставить шварцевского «Дракона» и «Пао-Пао» Сельвинского. Мне хотелось писать для театра самому, и в 18-19 лет были написаны первые серьезные произведения — одноактные пьесы, или «фарсы» в стихах, прежде всего «Страсти по Прокрусту» (1973). В то время я относился к этим упражнениям иронически, считая из всего лишь стилизациями «под Шекспира» (т.е. под русские переводы Шекспира). Сейчас, 30 лет спустя, они видятся по-другому — как сплав юношеской иронии и наивности с неожиданно точным и зрелым стилем стиха, с игрой слов и мысли. Стиль этих стихотворных пьес сложился внезапно и независимо; питали его достойные источники — переводы Щепкиной-Куперник, Пастернака, Радловой и других — Шекспир, Мольер, Лопе де Вега; из русских историков — конечно же, Грибоедов и А. К. Толстой, но особенно Сельвинский, одним из последних владевший гибким, богатым сценическим стихом.

Кроме занятий театром, я, конечно, читал — все, что попадалось под руку: и классику, и пропущенных цензурой «прогрессивных» иностранцев. Читал особенно драматургию, от Мольера до Брехта, историю театра. Чтение, скажем, книг Рудницкого о Мейерхольде или Бояджиева о западном театре было поистине занятием археологическим — недоступность информации о прошлой России или о нынешнем Западе заставляла реконструировать по осколкам, и не все куски были доступны. Например, я мог прочесть у Рудницкого о «Мандате» Эрдмана в постановке Мейерхольда, но я ничего не знал о судьбе Эрдмана и о существовании пьесы «Самоубийца». Я знал о том, что существует пьеса Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвые», но прочесть ее текст не было никакой возможности. (Был

даже план написать Стоппарду письмо и попросить выслать текст). Одним из несомненных толчков писать самому было четкое ощущение, что написанного по-русски классиками «не хватает», и в особенности, что нам нечего ставить на нашем самодельном театре. Мы с друзьями чутко следили за всеми публикациями Андрея Битова, Аксенова, Стругацких, отыскивали тексты Булгакова. Доходила до меня в основном только опубликованная литература. Самиздата было не так много, и политическое самосознание моего поколения в то время («годы застоя») было ниже среднего, хотя именно в Академгородке многие активно участвовали в диссидентском движении, а в 1968 г. оно выплеснулось в студенческие волнения. Мне лишь иногда доставались машинописные тексты на прочтение, но они оставляли неизгладимый след, как ожоги — «В круге первом», «Страна рабов, страна господ» Беликова, «Реквием» Ахматовой, стихи Бродского. Вообще же недостаток информации был очевидным. «За культурой» ездили в Москву и Ленинград.

В январе 1975 года я оказался на зимних каникулах в Москве, у Театра на Таганке. Многие часы в очередях за случайными билетами, остававшимися с «брони» для начальства, позволили мне увидеть и навсегда полюбить бессмертную Таганку 70-х годов. Каждый день с шести утра я практически не отходил от здания театра, и на тех каникулах мне удалось посмотреть 13 спектаклей. Мне довелось четырежды видеть на сцене «живого Высоцкого», и с той же зимы ведет начало наша дружба с замечательным актером Вениамином Борисовичем Смеховым, которого я дождался у служебного входа Таганки и вручил «для одобрения» рукописный текст фарса «Страсти по Прокрусту». Я горжусь тем, что мы, студенты-провинциалы, изредка бывавшие в Москве, в те годы были не только зрителями Таганки, но и «переносчиками» ее творческого огня по замершим просторам Империи — в наши самодельные театры.

Писать собственно серьезные стихи я начал с песен. Сначала это были не слишком серьезные «студенческие» песни в экспедициях по Сибири и Средней Азии (1972–1974), а также «песни для спектаклей», скорее воображаемых, чем тех, что удалось действительно поставить. Песни, конечно, формировались под влиянием магнитофонных бардов. Многие, написанные с сознательной оглядкой особенно на Галича, распевались в наших компаниях, но ввиду сибирской удаленности, скорее всего, не расходились широко.

«Стихи к спектаклям», или по мотивам пьес, прежде всего любимого с детства Шварца, появились в 1973 году. Вопроса о публикации просто не стояло — было очевидно и решено априори, что написанное публикации подлежать не будет. Не помню даже, чтобы я и предлагал куда-либо свои «серые» стихи. Курьезные вещи иногда случались: так, в 1977 г., уже из Туркмении, я послал «по знакомству» в журнал «Крокодил» пародию на Евтушенко (которому мы с друзьями предпочитали Вознесенского). Пародию напечатали, да еще рядом с самим Александром Ивановым! Поскольку рептильный журнал считался более реакционным, чем «левый» поэт, мое стихотворение, видимо, послужило орудием реакции по тогдашней шкале.

Трения с начальством Новосибирского университета были вялозлобными с их стороны, легкомысленными с нашей. В 1973 году стенгазета факультета естественных наук «Кентавр» по недосмотру «опубликовала» «Сказку о премьер-министре и золотом клопе», мою вариацию на темы Гофмана и Стругацких. Через пару дней газету велели снять, так как в герое сказки усмотрели то ли Хрущева, то ли Брежнева. В 1976 году партком НГУ вызывал нас «на ковер» за постановку моего «Прокруста» без цензурной санкции. Спектакль запретили, но мы самовольно сыграли его снова. Сыграли и «Авось» по Вознесенскому, за год до премьеры рок-оперы «Юнона и Авось» Марка Захарова в Москве. По этому поводу также состоялось издевательское заседание парткома. Следует вспомнить, что там в нашу защиту выступил, одним из немногих, актер «Красного факела» Георгий Яшунский (сыгравший незадолго до этого в фильме В.Мотыля «Звезда пленительного счастья»).

В том же 1976 году, в возрасте двадцати одного года, я покинул Академгородок и географическую Россию, сознательно предпочтя зоологию и пустыни Средней Азии. Многие из моих друзей не поняли этого шага, да я и сам, конечно, не до конца его понимал. Глядя назад, можно считать этот отъезд отчасти «само-ссылкой», отчасти недостаточно направленной эмиграцией. В то же время были вполне реальны: «романтика» жизни в пустыне, стремление делать «настоящую науку» по образцам дореволюционных российских натуралистов или Джеральда Даррелла, а также резко ощущимая неприязнь к жесткой кастовости Академгородка. Так или иначе, следующие одиннадцать лет моей жизни прошли в советской Туркмении.

Про Туркмению надо писать особо и подробно. Наша жизнь протекала в горном ауле из пятнадцати домов, в приграничных (с Ираном) ущельях горного хребта Западный Копетдаг, среди змей, черепах, скорпионов, дикобразов, горных и домашних баранов, в 300 км от столицы — Ашхабада. Жизнь была полна парадоксов и опасностей. Условия были спартанские, но удаленность от начальства давала знакомую советскому интеллигенту свободу. Изоляция чувствовалась, но в то же время через нас ежегодно проходило не менее сотни исследователей и студентов из Москвы, Ленинграда, Киева, Прибалтики. Несомненно, они во многом и делали «настоящую науку» нашей мечты. Не исключено, что время, когда мы с Галей работали там, было не таким уж плохим временем — особенно если сравнить с последним десятилетием, которое в ныне независимом Туркменистане называется «Золотой век Туркменбashi». Но еще до того, как изменилась история Туркмении, изменилась география нашей семьи. Из Средней Азии мы перебрались в Северную Америку.

Америка встретила нас в 1988 г. возможностью новой жизни. Как многие в этом обширном краю, мы перемещались в поисках оседлости. Наши первые два года в Америке прошли в зеленом Нашвилле (штат Теннесси). Было бы гораздо труднее выжить, если бы не постоянная дружеская забота замечательного человека, зоолога Гэри Полиса и его жены Шэрон. Затем мы прожили пять лет в экзотической Луизиане — в городе Новый Орлеан, где когда-то жил Теннесси Уильямс, и где ходят еще по старым маршрутам трамваи, подобные его «Трамваю «Желание». Там я начал читать лекции американским студентам-биологам, чем успешно занимаюсь уже 13 лет. В 1995 году я нашел наконец постоянную работу в университете, и мы переехали в Западную Виргинию, о которой я впоследствии написал:

Лишь я, об участи Вселенной
Порой задумавшись в тоске,
В горах Виргинии блаженной
Пишу на русском языке.

И вправду, русскоязычного населения в нашей американской глубинке немного. Обстановка же здешних университетских городков знакома всем по набоковским романам «Пинин» и «Бледное пламя». В 1999 году выпала удача — путешествовал по Европе, впервые оказался в любимой с детства Греции, ездил с коллегами-зоо-

логами по горам южной Болгарии, Словении, Австрии. В Вене случайно попал на лекцию Сергея Аверинцева, так же случайно столкнулся там с Натальей Стремитиной, венским корреспондентом журнала «Литературный европеец». Так я познакомился с франкфуртским журналом и (сперва заочно, а потом и лично), с его редактором Владимиром Батшевым. Он и опубликовал — впервые — подборку моих стихов в 19-м номере «Лев» (1999 г.). В следующем году Валентина Алексеевна Синкевич любезно отобрала несколько стихотворений для знаменитого американского альманаха «Встречи». Затем последовали другие публикации в Европе, Америке и России. Одним из занятий стало и написание для «Лев» театральных рецензий на понравившиеся мне спектакли, которые иногда удается посмотреть в Америке или Европе.

В последние пять лет я стал писать стихи чаще и во многом для меня самого интереснее, чем раньше. Кажется, удалось «найти свой голос», то есть ту среду, в которой наиболее захватывает магия стиха — игра звукописи, эмоций и мысли.

Мне особенно любопытно наполнять русский слог философскими идеями, создавать ранее не описанные «эмоциональные ландшафты», глядеть на поэзию с точки зрения натуралиста. Меня привлекают неосуществленные еще, по моему мнению, возможности русского (классического!) стиха в освоении существующей картины мира. В определенном смысле мне интересно возвращаться к истокам современного языка поэзии, скажем, в восемнадцатый век, к Ломоносову. Поэмы «Генезис» (1999), «Набоков и Холодковский» (2001), ряд стихов последних лет — попытки исследовать еще не заполненные русским стихом «экологические ниши». Понимание мира, достигнутое наукой в прошлом столетии, создает новые «эмоциональные ландшафты», которые я пытаюсь воссоздать в поэтической форме. Стихи кристаллизуются из случайных сочетаний слов, фраз, мыслей. Я пишу во многом «на слух», мне очень важна структура фонетической ткани стихотворения. Традиционные формы русского стиха очень пластичны и пригодны для того, чтобы говорить новыми словами о новых вещах, до нашего времени не встречавшихся в поэтическом обиходе. Кроме того, мне по-прежнему интересен «легкий жанр» стихотворной пьесы, чему примером «Долина Доля, или Мутантный Мутон» (1998) и ее английская версия под названием «Dollie's Follies» («Долины Глупости») (2001). Эти и другие тексты можно найти в Интернете по адресам:

Библиография:

«Под стеклом. Стихи и другие сочинения 1973–2000». Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000 (рецензия в журн. «World Literature Today», 2002, т. 76, № 1, с. 209).

Стихотворения в периодике:

«Литературный европеец» (Франкфурт, ред. В. Батшев), №№ 19, 23, 36, 48, 50, 53, 59, 63.
В кн.: «Встречи» (Филадельфия, ред. В. Синкевич), 2000, т. 24; 2001, т. 25; 2002, т. 26; 2003, т. 27.
В кн.: «Альманах поэзии» (Сан-Хосе, Калифорния), 1999, т. 6; 2002, т. 9; 2003, т. 10.
В кн.: «Весла» (Остин, Техас), 2002, т. 1.
В кн.: «Зеркало» (Лос-Анджелес, ред. П. Вегин), 2002, т. 1.
В кн.: «Побережье» (Филадельфия), 2003, т. 11.
В кн.: «К востоку от солнца», Новосибирск, изд. НГУ, 1999, т. 1 (ред. Р.Дериглазова); 2002, т. 4 (ред. И.И.Воробьев, В.О.Красавчиков).
«Литературная газета» (Москва), 1999, № 47 (Третье место в семестровом конкурсе ТЕНЕТА-98).
Пушкин в Сиднее (пародия на Е. Евтушенко). «Крокодил», 1977, 14 (2204).

Переводы:

Охота на Снарка (перевод поэмы Л. Кэрролла, вариант закончен в 1982 г.). В кн.: «К востоку от солнца», 2001, т. 3, ред. И.И.Воробьев, В.О.Красавчиков. Новосибирск, изд. НГУ (с предисл. В.А.Успенского).

Очерки:

1. *Behind the Iron Curtain.* Pp. 39-43 in: R. A. Schroth, S. J., ed. The Loyola Personal Reading List: A Faculty Guide to 100 Books Which Have Touched Their Lifes. 1995, Loyola University, New Orleans, Louisiana, USA.

Закинул старик в море невод... или сжатые сведения о русскоязычных литературных сайтах и конкурсах на Интернете. Литературный европеец, 2000, № 30.

Театральные рецензии:

Гоголь: ураган на юго-западе Миссури [на постановку «Ревизора» В. Смеховым]. Литературный европеец, 1999, № 21.
Корiolan: история повторяется. [на постановку «Кориолана» М.Каном]. Литературный европеец, 2000, № 31.
Венецианский еврей [на постановку «Венецианского купца» М.Каном]. Литературный европеец, 2001, № 40.
Смена власти по Шекспиру [на постановку «Ричарда II» Дж. Фридманом]. Литературный европеец, 2001, № 42.
«1984» в Шотландии в 2001 году [на инсценировку романа «1984»]. Литературный европеец, 2001, № 45.
Принцип неопределенности: «Копенгаген» в Лондоне [на постановку пьесы «Копенгаген» М. Фрейна]. Литературный европеец, 2002, № 57.
«Ричард III»: 600 лет спустя [на постановку Г. Эдвардса]. Литературный европеец, 2003, № 65.